

СЕРГЕЙ ВЯЗЕМСКИЙ

A man in a trench coat and hat stands on a bridge at night, looking out over a city. A street lamp is visible on the left, and a large cathedral is in the background. The man is holding a lit cigarette.

ДЕЛО
ЛОТАРИНГСКОЙ
ТЕНИ

Сергей Вяземский

Дело Лотарингской тени

«Автор»

2025

Вяземский С.

Дело Лотарингской тени / С. Вяземский — «Автор», 2025

Париж. Европа замерла на пороге войны, а город живет в лихорадке политических интриг и застарелой вражды. В этой гнетущей атмосфере жестоко убит антиквар месье Дюруа. Из его лавки, полной бесценных сокровищ, пропадает лишь одна вещь — старинная гравюра XVIII века. За расследование берется инспектор Жан Лекор, человек с тяжелым прошлым и обостренным чувством справедливости. Он быстро понимает: это не простое ограбление. Убийство — лишь эхо кровавых событий Великой французской революции, тень которой дотянулась до наших дней. Лекор погружается в лабиринт фамильных тайн, где потомки жертв и палачей ведут безмолвную войну за правду, способную разрушить репутации самых влиятельных людей Франции. Каждая новая улика лишь глубже затягивает его в паутину лжи, где цена истины — человеческая жизнь, а прошлое готово вновь пролить кровь на парижских мостовых.

© Вяземский С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Шорох старой бумаги	5
Холодный взгляд аристократки	9
Призраки Комитета спасения	13
Голоса левых бульваров	17
Человек без имени	22
Ночные визитеры	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Вяземский

Дело Лотарингской тени

Шорох старой бумаги

Телефон закричал в третьем часу ночи. Резко, безжалостно, как сирена санитарной машины, которая везет тебя в последний путь. Я вынырнул из сна, тяжелого и вязкого, как окопная грязь. В нем снова был Верден, запах хлора и прелой листвы, и лицо маленькой Симоны, которое расплывалось, таяло, как сахар в горячем кофе. Рука сама нашарила на ночном столике пачку «Житан» и зажигалку. Первый глоток дыма был горше правды. Только после него я снял трубку.

– Лекор.

– Инспектор, это сержант Дюбуа. У нас труп на улице Риволи. Антикварный салон «Сокровища Времени».

Я молча слушал, как дождь барабанит в стекло. Париж решил смыть с себя грязь, но у него никогда не получалось. Только размазывал ее ровным слоем по бульварам и душам.

– Подробности?

– Мужчина, лет шестьдесят. Аристид Дюруа, владелец. Голову проломили. Тяжелым чем-то. Похоже на ограбление, но...

Пауза в трубке была красноречивее любых слов. «Но» – это маленькое слово, с которого начинается любая серьезная работа. И любая большая головная боль.

– Буду через двадцать минут, – бросил я и повесил трубку, не дожидаясь ответа.

Одевался в темноте, наощупь. Потертый твидовый костюм, жесткий воротник рубашки, туго затянутый узел галстука. Броня. Левая рука привычно дрожала, когда я застегивал пуговицы на плаще. Привет от немецкого шрапнельного снаряда. Я сунул ее в карман. Там ей было самое место.

Мой «Ситроен» нехотя завелся, кашлянув сизым дымом в ночную пустоту. Дворники лениво скребли по стеклу, едва справляясь с потоками воды. Город был пуст и черен, как глазница черепа. Редкие фонари выхватывали из мглы мокрый асфальт, блестящий, как антрацит, да одинокие афишные тумбы с кричащими заголовками о войне в Испании и Народном фронте. Политики делили шкуру неубитой Франции, а простые люди просто пытались дожить до утра. Иногда у них не получалось.

Антикварный салон Дюруа находился в респектабельной части Риволи, под аркадами, где днем прогуливаются дамы с собачками и туристы с фотоаппаратами. Сейчас это место выглядело чужеродно. Несколько полицейских машин, их синие огни, пульсирующие в темноте, окрашивали элегантные фасады в мертвенные, тревожные тона. Дождь превращал их отблески на мостовой в расплывчатые кровавые пятна. Я припарковался чуть поодаль и, подняв воротник, шагнул в эту сырую круговерть.

Молодой сержант Дюбуа, похожий на испуганного птенца под козырьком мокрой фуражки, встретил меня у входа.

– Инспектор. Он внутри. Эксперты уже работают.

Я кивнул и вошел.

Воздух в салоне был густым и неподвижным. Смесь запахов пчелиного воска, старого дерева, пыльной бумаги и еще чего-то – сладковатого, металлического запаха свежей смерти. Он всегда перебивал все остальные. Внутри царил почти идеальный порядок. Фарфоровые статуэтки на полках стояли ровными рядами, серебряные подсвечники тускло блестели в свете

переносных ламп, гобелены на стенах висели без единой складки. Десятки старинных часов на стенах и консолях молчали. Их время остановилось. Или его остановили.

Тело лежало в центре зала, возле массивного дубового стола. Аристид Дюруа, невысокий, полный мужчина в безупречном костюме, лежал на спине, раскинув руки. Его седые волосы были спутаны и пропитаны кровью, запекшейся темной коркой вокруг раны на виске. Рядом, на персидском ковре, лежала бронзовая статуэтка Гермеса. Ее основание было испачкано. Тяжелая, удобная вещь, чтобы разmozжить череп. Его очки в тонкой золотой оправе валялись чуть поодаль, одно стекло треснуло, словно паутина, поймавшая его последний испуганный взгляд.

Я присел на корточки, не прикасаясь ни к чему. Лицо Дюруа было спокойным, почти умиротворенным. Удивления или страха на нем не застыло. Это значило, что он либо знал своего убийцу, либо не видел удара.

– Что у нас, Филипп? – спросил я у судмедэксперта, коренастого мужчины с вечно хмурым лицом, который как раз заканчивал осмотр.

– Один удар. Сильный, точный. Нанесен сзади, когда он, скорее всего, сидел в этом кресле. – Филипп кивнул на опрокинутое вольтеровское кресло рядом со столом. – Смерть наступила мгновенно. Время – между десятью вечера и полуночью. Никаких следов борьбы.

Я встал и огляделся. На столе лежала раскрытая книга, стопка бумаг, чернильница. Все на своих местах. Я подошел к кассовому аппарату. Он был закрыт.

– Дюбуа, кассу проверяли?

– Да, инспектор. Внутри около пяти тысяч франков. Не тронута.

Пять тысяч. Немалые деньги. Достаточный соблазн для любого уличного грабителя. Я прошелся по салону. Вот витрина с ювелирными украшениями – старинные броши, кольца с потускневшими камнями. Замок цел. Вот коллекция табакерок из слоновой кости. На месте. Часы карманные, золотые. Тоже здесь. Все здесь. Что-то не сходилось. Невидимый камешек в ботинке, который не дает идти ровно.

– Кто его нашел? – спросил я, возвращаясь к сержанту.

– Его помощник, молодой человек по имени Пьер Ланглуа. Пришел утром открывать лавку. Дверь была не заперта, просто прикрыта. Он сейчас в подсобке, ему дали успокоительное.

– Приведи его.

Пока Дюбуа ходил за свидетелем, я снова подошел к столу. Взгляд зацепился за раскрытую книгу. «История Вандейского мятежа». На полях – аккуратные пометки, сделанные тонким карандашным грифелем. Дюруа был не просто торговцем. Он был человеком, увлеченным прошлым. Для таких, как он, старые вещи – не товар, а собеседники. Истории, застывшие в дереве и металле.

Дюбуа вернулся с Пьером Ланглуа. Это был худощавый юноша лет двадцати, с бледным лицом и красными от слез глазами. Он дрожал, кутаясь в предложенный ему полицейским плед.

– Месье Ланглуа, – начал я мягко. – Я инспектор Лекор. Мне жаль, что нам пришлось встретиться при таких обстоятельствах.

Он кивнул, не в силах говорить.

– Расскажите, что вы знаете. Когда вы в последний раз видели месье Дюруа?

– Вчера вечером, около восьми, – голос у него был тихий, срывающийся. – Я закрывал лавку, а он остался. Сказал, что у него еще есть работа с бумагами. Он часто засиживался допоздна. Он... он любил тишину, когда город засыпает.

– Он кого-то ждал? У него была назначена встреча?

Пьер покачал головой. – Не думаю. Он бы сказал мне. Он был очень педантичным человеком. Всегда все по расписанию.

– Осмотритесь, пожалуйста. Внимательно. Пропало ли что-нибудь? Что-то ценное, что сразу бросается в глаза.

Ланглуа обвел салон затравленным взглядом. Он медленно прошел вдоль витрин, его пальцы скользили по стеклу.

– Нет... все на месте. Табакерки... часы Бреге, он ими так дорожил... серебро... все здесь.

Я ждал. Мое чутье, отточенное годами хождения по трупам и лжи, кричало, что мы что-то упускаем.

– А что-то неценное? Что-то, на что обычный вор не обратил бы внимания?

Пьер нахмурился, задумался. Потом его взгляд метнулся к стене напротив входа, где висели картины и гравюры. Он замер.

– Вот... – прошептал он, показывая рукой. – Там... там пусто.

Я подошел ближе. На обитой темно-красным бархатом стене, между двумя пасторальными пейзажами, виднелся более светлый прямоугольник. След от давно висевшей рамы. И маленький гвоздь.

– Что там было? – спросил я.

– Гравюра, – ответил Пьер. – Старая, восемнадцатый век. Ничего особенного, правда. Мы ее купили всего пару недель назад.

– Дорогая?

– О нет, инспектор. Месье Дюруа заплатил за нее сущие гроши. Сказал, что она в плохом состоянии, бумага пожелтела. Он ее даже в основной каталог не вносил, собирался сначала отдать реставратору. Она висела здесь временно.

– Что на ней было изображено?

– Казнь. Площадь, гильотина, толпа... Один из этих мрачных сюжетов времен Революции. Называлась как-то... «Триумф Справедливости», кажется. Иронично, правда?

Я молчал. Убийство ради гравюры стоимостью в несколько десятков франков. Убийство, обставленное так, чтобы не привлекать внимания к истинной цели. Это уже не было похоже на ограбление. Это пахло тайной. Старой, как бумага, на которой была отпечатана эта гравюра.

– У кого месье Дюруа ее купил?

– У одной дамы. Аристократка. Она распродала остатки семейного имущества. Фамилию я точно не помню... что-то связанное с Лотарингией. Кажется, де Лоррен. Месье Дюруа сам ездил в ее особняк.

Де Лоррен. Лотарингия. Названия всплыли в памяти, как обрывки старой карты. Я велел Дюбуа записать фамилию и поблагодарил Ланглуа. Юноша был больше не нужен.

Когда его увели, я остался в салоне один. Полицейские и эксперты закончили свою работу и теперь толпились снаружи, курили, переговаривались вполголоса. Тишина внутри стала плотной, тяжелой. Она давила на уши. Я снова прошелся по залу, вдыхая пыльный воздух.

Каждая вещь здесь имела свою историю. Вот секретер, который, возможно, хранил любовные письма какой-нибудь маркизы. Вот веер из слоновой кости, который обмахивал разгоряченное лицо на балу в Тюильри. А вот бронзовый Гермес, посланник богов, ставший орудием вульгарного убийства. Все эти предметы пережили своих владельцев, пережили целые эпохи. Они были молчаливыми свидетелями. И сейчас они молчали о том, что произошло здесь прошлой ночью.

Все, кроме одного. Пустого места на стене.

Оно кричало.

Я подошел к нему вплотную. На бархате остался едва заметный отпечаток от рамы. Я провел пальцем по гвоздику. Холодный металл. Убийца не просто сорвал гравюру. Он ее аккуратно снял. Без спешки. Он пришел сюда не за деньгами и не за антиквариатом. Он пришел за ней. За куском старой бумаги с изображением казни.

Зачем? Что могло быть на ней такого, за что стоило убивать? Или дело было не в том, что на ней, а в том, что было в ней? Или за ней? В раме?

Вопросы роились в голове, как мухи над трупом. Дюруа, историк-любитель. Старая граюра. Аристократка из Лотарингии. Убийство, замаскированное под неумелое ограбление. Слишком много нитей, ведущих в прошлое.

Я посмотрел на тело старика. Он нашел что-то в этих пыльных хрониках. Что-то, что не должен был находить. Он коснулся истории, и история коснулась его в ответ. Остро заточенным краем.

Я достал сигарету. Закурил, нарушая стерильность места преступления. Плевать. Мне нужно было думать, а думал я лучше всего, когда легкие наполнял едкий дым.

Это дело не про жадность. Оно про страх. Кто-то очень сильно боялся того, что изображено или спрятано в этой дешевой гравюре. Боялся настолько, что предпочел проломить голову старому антиквару, лишь бы заставить ее замолчать.

Дождь за окном усилился, его капли стекали по стеклу витрины, искажая огни улицы, превращая мир в размытое, зыбкое марево. Таким же зыбким и неясным было это дело. Но я знал одно. Тень, упавшая на этот салон, была длинной. Очень длинной. Она тянулась не из вчерашнего вечера, а из далекого прошлого. И чтобы добраться до убийцы, мне придется пойти по этому темному следу. Даже если он ведет напрямик в ад, где гильотина все еще ждет свою следующую жертву. Я бросил окурок на ковер, рядом с телом. Маленький акт неуважения к смерти. Или к убийце. Я еще не решил. И вышел на улицу, в холодную парижскую ночь, которая только что стала намного холоднее.

Холодный взгляд аристократки

Утренний свет, серый и жидкий, как разбавленное молоко, едва пробивался сквозь грязное стекло моего кабинета в префектуре. Он ложился на стопку бумаг по делу Дюруа, делая чернила на рапортах блеклыми и неважными. Кофе в чашке давно остыл, превратившись в горькую черную жижу. Я вылил его в горшок с полумертвым фикусом. Бедное растение. Ему доставалось все мое дурное настроение. Дождь не прекращался. Он сменил ночную ярость на унылое, методичное бормотание, будто старик, жалующийся на свои кости. Париж просыпался со стоном.

На столе передо мной лежал единственный осмысленный клочок информации, выуженный из бумаг антиквара этой ночью: клочок из записной книжки с именем «Элоди де Лоррен» и адресом в седьмом округе. Улица Гренель. Территория старых денег и еще более старых тайн. Я потерял веки. Глаза горели от бессонницы и табачного дыма. В этом деле не было ничего простого. Грабители берут деньги, маньяки оставляют за собой хаос. А здесь... здесь кто-то пришел, чтобы вырезать кусок истории, и сделал это с аккуратностью хирурга, удаляющего опухоль.

Я поднялся, накинул плащ, все еще влажный после ночи. Он пах мокрой шерстью и холодом. Левая рука в кармане сжалась в кулак. Дрожь была почти незаметна, но я ее чувствовал. Она была моим личным призраком, напоминанием о том, что даже если ты выжил, война никогда тебя не отпускает.

Седьмой округ встретил меня другим дождем. Здесь он не казался грязным. Он омывал кованые решетки оград, темный камень старинных особняков и редкие, дорогие автомобили, припаркованные у тротуаров. Воздух здесь был чище, тишина – глубже. Это был мир, отгороженный от остального Парижа невидимой стеной высокомерия и денег. Особняки стояли, как богато украшенные склепы, храня внутри мумии давно ушедших поколений и их секреты.

Дом под номером, указанным в записной книжке, был одним из таких склепов. Высокий, узкий фасад из потемневшего от времени камня, окна, похожие на пустые глазницы. Кованые ворота, покрытые ржавчиной в виде слез, были приоткрыты. Я оставил машину у обочины и вошел во внутренний двор. Гравий хрустел под ногами, нарушая сонную тишину. В центре двора застыл небольшой фонтан с почерневшим от влаги купидоном, из пасти которого больше не текла вода. Все здесь дышало упадком. Не нищетой, нет. Аристократическим, величественным увяданием. Смертью в шелках и бархате.

Дверь мне открыла пожилая женщина в черном платье и белом накрахмаленном переднике. Ее лицо было похоже на печеное яблоко, все в мелких морщинах, но глаза смотрели строго и недоверчиво.

– Инспектор Лекор, криминальная полиция, – я показал ей удостоверение. – Я хотел бы поговорить с мадемуазель Элоди де Лоррен.

Она поджала губы, окинула меня взглядом, который оценивал не только мой потертый плащ, но и, казалось, все мои грехи до седьмого колена.

– Мадемуазель не принимает.

– Мое дело не терпит отлагательств. Оно касается убийства.

Слово «убийство» подействовало. Оно было чужеродным в этом тихом, сонном мире. Как крик вороны на кладбище. Старуха поколебалась, затем молча отступила в сторону, пропуская меня в холл.

Внутри было холодно. Не от сквозняка, а от самого камня, от высоких потолков, теряющихся во мраке, от огромных портретов на стенах. Мужчины и женщины в париках и камзолах, с бледными, надменными лицами смотрели на меня из своих золоченых рам. Они были здесь хозяевами, а я – незваным гостем из грубого, суетливого мира. Пахло пылью, лавандой и еще чем-то неуловимым – временем.

– Подождите здесь, – бросила служанка и исчезла в глубине дома, ее шаги утонули в гулкой тишине.

Я не стал ждать. Я медленно пошел по холлу, разглядывая портреты. Де Лоррены. Поколения смотрели на меня свысока. Воины, священники, придворные дамы. Их глаза, написанные давно умершими художниками, казалось, следили за каждым моим движением. Память рода – это не альбом с фотографиями. Это долговая книга, где на каждой странице записаны и подвиги, и преступления. И иногда цена старых долгов взимается кровью.

– Вы хотели меня видеть, инспектор?

Голос раздался из дверного проема в конце холла. Он был спокойным, мелодичным, но холодным, как вода в глубоком колодце. Я обернулся.

Элоди де Лоррен стояла, прислонившись к косяку. Она была высокой, стройной, одетой в простое, но элегантное темно-синее платье, которое подчеркивало белизну ее кожи. Светлые волосы были собраны в тугий узел на затылке, открывая длинную, гордую шею. Но все это было лишь обрамлением для ее лица. Оно было безупречным, словно вырезанным из слоновой кости, и таким же холодным. И глаза. Светло-голубые, почти прозрачные, они смотрели на меня без страха, без удивления, без малейшего намека на эмоции. В них была пустота зимнего неба.

– Мадемуазель де Лоррен, – я подошел ближе, останавливаясь на приличном расстоянии. – Прошу прощения за вторжение.

– Служанка сказала, речь идет об убийстве. – Она не пригласила меня сесть. Она просто ждала, ее поза выражала вежливое нетерпение.

– Убит антиквар, Аристид Дюруа. Возможно, вы его знали.

Ее лицо не дрогнуло. Ни единый мускул.

– Это имя мне знакомо. Я продала ему одну вещь несколько недель назад. Гравюру.

– Именно из-за нее я здесь. Она пропала из его салона. Это единственное, что было украдено.

Я внимательно следил за ее реакцией. Легкое, почти незаметное движение ресниц. Вот и все.

– Какое несчастье, – произнесла она тоном, которым говорят о плохой погоде. – Но чем я могу вам помочь? Сделка была завершена.

– Расскажите мне об этой гравюре, мадемуазель.

Она повела плечом, изящный, отточенный жест.

– Это старая семейная вещь. Ничего ценного. Изображение одной из тех ужасных сцен времен Террора. Она много лет висела в библиотеке, но... – она сделала паузу, – времена меняются. Нам пришлось расстаться с некоторыми вещами, чтобы поддерживать дом в порядке.

Слишком гладко. Слишком просто. Объяснение, заготовленное заранее и отполированное до блеска.

– Месье Дюру# сам нашел вас?

– Нет. Я обратилась к нескольким антикварам. Он предложил лучшую цену. Хотя, как я уже сказала, речь шла о незначительной сумме.

Она лгала. Я чувствовал это так же ясно, как чувствовал холод, исходящий от каменного пола. Ложь была не в словах, а в их безупречности. В отсутствии малейших запинок, сомнений, естественных для человека, которого внезапно допрашивает полиция по делу об убийстве. Это было не объяснение. Это был заученный текст.

– Могу я взглянуть на комнату, где она висела? – спросил я.

Она на мгновение замерла. В ее прозрачных глазах что-то мелькнуло – тень раздражения или беспокойства. Но оно тут же исчезло.

– Если это необходимо для вашего расследования... Пройдемте.

Она повела меня через анфиладу комнат. Гостиная, столовая... Мебель была накрыта белыми чехлами, похожими на саваны. Воздух был спертым. Дом не жил. Он спал летаргическим сном, и наше вторжение было подобно грубому толчку, который не может его разбудить.

Библиотека оказалась огромной комнатой с высокими, до потолка, стеллажами, уставленными тысячами книг в кожаных переплетах. В центре стоял большой стол, покрытый слоем пыли. Единственным источником света было высокое стрельчатое окно, выходившее в заросший сад. В тусклом свете дня пылинки танцевали в воздухе, как крошечные призраки.

– Она висела здесь, – Элоди указала на стену между книжными шкапами. Там, как и в лавке Дюруа, виднелся светлый прямоугольник на потемневших обоях.

Я подошел к стене. Ничего. Просто пустое место. Мой взгляд скользнул по комнате. И зацепился.

В углу, прислоненная к стене лицом внутрь, стояла рама. Пустая, без стекла и без задника. Деревянная, темная, с потрескавшимся от времени золочением.

– Рама осталась у вас? – спросил я как можно небрежнее.

– Да. Месье Дюруа сказал, что она не представляет ценности и только увеличит вес. Он забрал только сам оттиск, аккуратно вынув его.

– Могу я посмотреть?

Она кивнула с видом полного безразличия.

Я подошел и взял раму в руки. Она была тяжелее, чем казалась. Старое, плотное дерево. Я провел пальцами по внутренней стороне, по пазу, где когда-то лежала гравюра и картонный задник. И тут же почувствовал то, что искал.

По краю паза, там, где дерево было скрыто от глаз, шли свежие царапины. Не старые, потемневшие от времени щербины, а новые, светлые, будто их оставил тонкий нож или лезвие, которым поддевали плотно сидящий задник. Кто-то недавно вскрывал эту раму. И делал это не слишком умело, в спешке.

Я поднял глаза на Элоди. Она стояла у окна, и ее силуэт четко вырисовывался на фоне серого неба. Она не смотрела на меня. Она смотрела в сад, на мокрые, голые ветви деревьев. Но я видел, как напряжена ее спина, как неестественно прямо она держит голову.

– Странные царапины, – сказал я тихо, но в гулкой тишине библиотеки мой голос прозвучал как выстрел. – Похоже, кто-то пытался что-то вытащить отсюда. Или, наоборот, спрятать.

Она медленно обернулась. Теперь в ее глазах не было пустоты. В них был лед.

– Должно быть, ее повредили, когда вынимали гравюру, – ее голос стал еще тише, но в нем появилась сталь. – Месье Дюруа был немолодым человеком. Возможно, у него дрожали руки.

Еще одна ложь. Аккуратная, продуманная. Но ложь. Антиквар, профессионал, не стал бы так грубо кромсать старинную раму. Он работал бы специальными инструментами, а не перочинным ножом.

– Да, возможно, – сказал я, ставя раму на место. – Мадемуазель, что было на этой гравюре? Вы сказали, сцена казни. Вы помните детали?

– Я не особо ее разглядывала, инспектор. Как я уже говорила, она не представляла для меня интереса. Просто мрачная картинка из прошлого.

– Из прошлого вашей семьи?

Она застыла. Вопрос повис в пыльном воздухе.

– Возможно. Наша семья... пережила Революцию. Не все ее пережили.

Сказано это было без всякой скорби. Просто констатация исторического факта. Будто речь шла не о ее предках, а о персонажах из учебника.

– И все же, – я не отступал, – вы не можете вспомнить ничего? Лица? Гербы на эшафоте? Имя осужденного?

– Нет, – отрезала она. – Я не помню. А теперь, инспектор, если у вас больше нет вопросов... у меня много дел.

Это был приказ. Вежливый, но не терпящий возражений. Приказ женщины, привыкшей, что ее слово – закон в стенах этого дома.

Я кивнул. Играть в открытую было еще рано. У меня не было ничего, кроме подозрений и нескольких царапин на старом куске дерева.

– Благодарю за уделенное время, мадемуазель. Возможно, мне придется побеспокоить вас еще раз.

– Я всегда в вашем распоряжении, если это поможет найти убийцу бедного месье Дюруа, – произнесла она. Фальшь в ее голосе была такой густой, что ее можно было резать ножом.

Я направился к выходу. Она не провожала меня. Я чувствовал ее ледяной взгляд в спину. У самой двери я остановился и обернулся. Она все так же стояла у окна, неподвижная, как статуя.

– Еще один вопрос, мадемуазель. Вы сказали, вам нужны были деньги на поддержание дома. Продажа одной недорогой гравюры вряд ли могла решить ваши финансовые проблемы.

Она не удостоила меня ответом. Она просто смотрела на меня, и в глубине ее глаз я на мгновение увидел что-то живое. Не страх. Ненависть. Холодную, презрительную ненависть аристократки к плебею, который посмел копаться в ее грязном белье.

Я вышел, не дожидаясь, пока меня проводят. Служанка-старуха материализовалась в холле, словно из воздуха, и молча открыла мне дверь. Когда тяжелая дубовая створка захлопнулась за моей спиной, отсекая меня от мира теней и пыли, я глубоко вздохнул. Воздух на улице, даже сырой и промозглый, показался чистым и свежим.

Я сел в машину и закурил. Дождь все так же стучал по крыше, отбивая монотонный ритм. Я смотрел на окна особняка. Пустые, темные, они хранили свои тайны.

Элоди де Лоррен. Последняя представительница древнего рода. Она была ключом. Я не знал, была ли она соучастницей, жертвой или просто напуганным свидетелем. Но она знала все. Ее холодное спокойствие было броней, но я видел в ней трещины. Царапины на раме были не просто уликой. Это был первый скол на стене молчания, которую она выстроила вокруг себя. В раме что-то было. Что-то гораздо более ценное, чем сама гравюра. Что-то, что Дюруа нашел, а его убийца теперь искал.

И эта холодная, голубоглазая аристократка знала, что это. Она врала мне в лицо с отточенным веками умением держать лицо, когда в душе рушатся стены. Но она не учла одного. Я тоже умел ждать. И я видел слишком много смертей, чтобы меня можно было остановить холодным взглядом или захлопнутой дверью.

Нить, которую я нашупал в антикварной лавке, привела меня сюда. И теперь она была намертво привязана к этому дому, к этой женщине. Я медленно выпустил дым. Он смешался с дождем и туманом. Дело Лотарингской тени только что стало намного личнее. И намного опаснее.

Призраки Комитета спасения

Люк Мартель ждал меня в маленьком бистро на углу улицы Монторгёй, за столиком у запотевшего окна. Он выглядел неуместно в этом прокуренном, пахнущем луковым супом и дешевым вином зале. Слишком молодой, слишком опрятный в своем хорошо сидящем костюме, слишком ясный во взгляде. Он был похож на породистого щенка, случайно забежавшего в стаю портовых псов. Когда я вошел, стряхивая с плаща капли дождя, он вскочил, но я остановил его жестом и сел напротив. На столе перед ним стояла чашка недопитого кофе. Я заказал себе такой же, плеснув в него изрядную порцию кальвадоса. Утро требовало анестезии.

– Ну что, патрон? – спросил Люк, его голос был полон нетерпеливого ожидания. Он всегда называл меня «патрон», и в этом было столько же уважения, сколько и юношеского желания поскорее стать своим. – Как прошла беседа с принцессой?

– Она не принцесса, – ответил я, глядя, как официант ставит передо мной чашку. Горячий пар смешался с яблочным духом алкоголя. – Она – живой экспонат из музея. Красивый, холодный и покрытый толстым слоем пыли. И врет, не моргнув глазом.

Я вкратце, без деталей, которые могли бы показаться ему сентиментальными, пересказал разговор с Элоди де Лоррен. О пустом месте на стене, о лжи про нужду в деньгах, о свежих царапинах на раме. Люк слушал, наклонившись вперед, его лицо выражало всю гамму эмоций, от которых я давно отучился: азарт, возмущение, триумф.

– Значит, рама! – воскликнул он, понизив голос до возбужденного шепота. – В ней было что-то спрятано! Документ! Дюруа нашел его, и убийца пришел за ним! Все сходится!

– Слишком просто, Люк. А когда что-то выглядит слишком просто, значит, ты смотришь не туда. Она лжет, это факт. Но почему? Из страха? Или потому что прикрывает кого-то? А может, она сама...

Я не закончил. Мысль была неприятной. Женщина, похожая на фарфоровую статуэтку, с руками по локоть в крови. В моем ремесле и не такое случалось.

– Нет, – решительно возразил Люк. – Не верю. У нее не хватило бы сил. Вы же видели статуэтку. Удар был мужской.

Его идеализм был одновременно его силой и его самой большой уязвимостью. Он все еще делил мир на черное и белое, на сильных мужчин и хрупких женщин. Война научила меня, что самые страшные монстры могут прятаться за самыми невинными лицами, а хрупкость – это лишь еще один вид камуфляжа.

– Мы топчемся на месте, – сказал я, сделав большой глоток. Кофе обжег горло, а кальвадос согрел изнутри. – Мы смотрим на последствия, а нужно понять причину. Кто такой был этот Дюруа? Не торговец. Торговца убили бы за деньги. Мы должны понять, во что он вляпался.

– Его квартира? – тут же подхватил Люк. – Она над лавкой. Мы опечатали ее, но не проводили тщательный обыск. Сосредоточились на месте преступления.

– Вот именно. Убийца искал что-то конкретное. Он нашел это в лавке – или думал, что нашел. Но что, если Дюруа был не так прост? Что, если он хранил свои настоящие сокровища не на витрине?

Идея была простой, лежащей на поверхности, но именно такие часто и упускаешь в горячке первых часов. Мы допили кофе, расплатились и вышли под все тот же морозящий дождь. Улица Риволи встретила нас суетой. Город жил своей жизнью, и вчерашнее убийство было для него лишь мелкой рябью на воде, не более. Желтая полицейская лента на двери салона «Сокровища Времени» уже выглядела потрепанной и чужой.

Квартира Дюруа оказалась продолжением его лавки, но без показного лоска. Это было не жилище, а берлога ученого-маньяка. Две комнаты, заваленные книгами. Они были повсюду: на полках до самого потолка, стопками на полу, на стульях, на широком подоконнике. Воздух был спертый, пах старой бумагой, клеем для переплетов и остывшим табаком. Единственное кресло у стола было продавлено, а пепельница на нем переполнена так, что окурки высыпались на пол. Это было логово человека, одержимого одной страстью.

– М-да, – протянул Люк, с опаской оглядывая хаос. – Похоже, мадам Дюруа давно отсюда съехала. Или ее и не было вовсе.

– У таких людей не бывает жен, – заметил я. – Их единственная любовница – история. И она очень ревнива.

Мы разделились. Люк взялся за спальню, которая оказалась такой же аскетичной, как келья монаха – узкая кровать, шкаф с парой костюмов, – а я остался в главной комнате, в эпицентре этого бумажного урагана. Я начал методично, полка за полкой, просматривать книги. Все они были посвящены одной эпохе. Великой французской революции. Не общие труды Мишле или Карлейля. Нет. Это были узкоспециализированные монографии, биографии второстепенных деятелей, сборники документов, протоколы заседаний Конвента. «Якобинский клуб в Лионе», «Финансы Директории», «Деятельность представителей в миссиях». Дюруа был не просто любителем. Он был настоящим исследователем, копавшим глубоко, туда, куда не заглядывают авторы школьных учебников.

Через час Люк вернулся с пустыми руками.

– Ничего. Счета, одежда, пара старых фотографий каких-то родственников. Никаких личных писем, никаких дневников. Похоже, вся его жизнь была здесь.

Я кивнул, не отрываясь от очередной книги. Мои пальцы были уже серыми от пыли. Это было похоже на работу археолога. Я вскрывал культурные слои, пытаюсь найти тот артефакт, который объяснит все остальное.

– Тогда ищем здесь. Ищи не то, что спрятано, а то, что лежит на виду. Записки, пометки на полях, закладки. Он должен был оставить след.

Мы принялись за работу вместе, погружаясь в тишину, нарушаемую лишь шелестом страниц и стуком дождя в окно. Это была медитативная, почти гипнотическая работа. Страница за страницей, книга за книгой. Мир за окном перестал существовать. Остался только этот душный, пыльный ковчег, плывущий по волнам чужой одержимости.

Прошло еще два часа. Я уже начал думать, что моя теория неверна, что Дюруа был просто безобидным чудачком, а его убийство – трагическая случайность. И именно в этот момент Люк тихо позвал меня.

– Патрон, идите сюда. Посмотрите.

Он стоял у письменного стола Дюруа, заваленного картами Парижа XVIII века и стопками бумаг. Люк держал в руках большую картонную папку с выцветшей надписью: «Проект „Тень“».

Я подошел и заглянул ему через плечо. Внутри были не книги, а десятки листов, исписанных убогим, бисерным почерком Дюруа. Это были его собственные исследования. Схемы, таблицы, выписки из архивов. И на первом же листе, обведенное красным карандашом, стояло имя: «Огюстен Бланше».

– Кто это? – спросил Люк.

– Никогда не слышал, – признался я. Но имя показалось смутно знакомым, будто я видел его где-то в сноске, на задворках истории.

Мы стали читать. Поначалу это был хаотичный набор фактов. Огюстен Бланше. Адвокат из Арраса. Член Конвента. Голосовал за казнь короля. В 1793 году вошел в состав Комитета общественного спасения. Не Робеспьер, не Сен-Жюст, не Дантон. Фигура второго, а то и тре-

тьего ряда. Серый кардинал, счетовод, отвечавший за секвестр имущества «врагов народа». Его подпись стояла под сотнями ордеров на арест и конфискацию. А в 1794 году, за пару недель до термидорианского переворота, он исчез. Просто испарился. Официальная версия гласила, что он пал жертвой интриг и был тайно казнен робеспьеристами. Тело так и не нашли.

Но Дюруа, судя по его записям, в эту версию не верил. Он был одержим этим Бланше. Он отследил всю его жизнь, все его выступления, все подписанные им документы. И чем глубже мы погружались в эти листы, тем яснее становилась картина.

– Вот, – я ткнул пальцем в абзац, подчеркнутый несколько раз. – Слушайте. «Согласно мемуарам термидорианца Тальена, Бланше вел личный дневник. Не официальный протокол, а частные записи. Он был педантом и параноиком, он записывал все: разговоры в кулуарах, слухи, финансовые сделки. Тальен утверждает, что в этом дневнике содержались доказательства...»

Я замолчал, вчитываясь. Люк нетерпеливо заглядывал мне через плечо.

– Доказательства чего?

– ...доказательства того, что многие пламенные революционеры, отправлявшие на гильотину аристократов за „предательство Республики“, сами тайно скупали их имущество за бесценок через подставных лиц. Более того, Бланше намекал, что некоторые смертные приговоры выносились не по политическим мотивам, а по заказу. Чтобы устранить конкурента или завладеть его состоянием. Он называл это „коммерцией гильотины“».

Мы переглянулись. В пыльной тишине комнаты эти слова прозвучали оглушительно. Это была не просто коррупция. Это было предательство самой идеи Революции. Это был яд, заложенный в самый фундамент Республики.

– Но ведь это было полтора века назад, – сказал Люк, хотя в его голосе уже не было прежней уверенности. – Кого это волнует сегодня?

– А вы дочитайте, – мрачно ответил я, переворачивая страницу.

Дальше шли схемы. Генеалогические древа. Дюруа проделал титаническую работу. Он отследил судьбу тех, кто, по его гипотезе, нажился на «коммерции гильотины». Их потомков. И вот тут-то от истории повеяло холодом сегодняшнего дня. Фамилии, которые всплывали в этих схемах, были нам слишком хорошо знакомы. Крупные промышленники. Банкиры. Влиятельные издатели газет. И политики. Депутаты Национального собрания, сенаторы, даже один министр из текущего правительства. Все они были столпами современного французского общества. Их репутации были безупречны, их патриотизм не подвергался сомнению. И все они, по версии Дюруа, были потомками тех, кто построил свое состояние на крови и предательстве.

– Боже мой, – прошептал Люк. Он сел на стул, заваленный книгами, которые посыпались на пол с глухим шорохом. – Если это правда... если этот дневник существует и в нем есть имена... это же бомба. Это взорвет всю политическую верхушку.

– Именно, – кивнул я. – Теперь ты понимаешь, почему Дюруа убили? Он искал не просто исторический артефакт. Он искал детонатор.

Мы молчали, переваривая открывшееся. Вся эта квартира, весь этот хаос обрели смысл. Это была лаборатория, в которой старый антиквар готовил взрывчатку, способную разрушить Третью Республику до основания.

Но где же сам дневник? В записях Дюруа об этом было сказано туманно. Он писал, что официальные архивы были тщательно вычищены. Дневник исчез вместе с Бланше. Но старик верил, что уцелели отдельные, вырванные страницы. Он предполагал, что Бланше, чувствуя опасность, успел передать их кому-то на хранение. Или спрятать. И последние записи Дюруа были посвящены поиску этого тайника.

И тут я увидел то, что заставило все части головоломки встать на свои места. В самом конце папки, на отдельном листе, была сделана всего одна запись. Несколько имен, выстро-

енных в столбик. И напротив каждого – пометка: «казнен», «эмигрировал», «разорен». Это были жертвы, чье имущество, по версии Дюруа, перешло к людям из списка Бланше. Последним в этом списке шло имя: «Маркиз Шарль-Анри де Лоррен». А рядом приписка: «Казнен 9 термидора 1793 г. по личному доносу Бланше. Все имущество секвестрировано. Прозвище в Конвенте – „Лотарингская тень“».

Лотарингская тень.

Кровь отхлынула от моего лица. Я протянул лист Люку. Он прочитал и поднял на меня глаза. В них больше не было юношеского азарта. В них был шок.

– Де Лоррен... – проговорил он. – Предок той самой Элоди.

– Да. Дюруа считал, что ключ к разгадке – у потомков жертв. Что Бланше, возможно, в последний момент раскаялся и передал доказательства вины палачей тем, кого они обобрали. И он нашел Элоди. И купил у нее старую гравюру с изображением казни.

– Он думал, что страница из дневника спрятана в раме, – закончил за меня Люк. – Он купил ее, вскрыл раму в своей лавке, нашел документ...

– ...и позвонил кому-то из списка потомков, – подхватил я. – Решил сыграть по-крупному. Устроить шантаж. Но он недооценил, с кем имеет дело. К нему пришли не с деньгами. К нему пришли со статуэткой Гермеса.

Картина сложилась. Жестокая, логичная и страшная в своей простоте. Дюруа не был борцом за справедливость. Он был азартным игроком, который поставил на кон все и проиграл.

– Но кто? – спросил Люк. – Кто из этого списка? Их тут десятки!

Я покачал головой, просматривая фамилии на схемах Дюруа. Знакомые, влиятельные, недостижимые. Люди, у которых были деньги, власть и полное отсутствие совести, чтобы заставить замолчать одного старого антиквара.

– Не знаю, – честно ответил я. – Но теперь мы знаем, что искать. Не просто убийцу. А того, кто больше всех боится призраков Комитета общественного спасения.

Я подошел к окну. Дождь почти прекратился, оставив на стекле грязные потеки. Внизу, на улице, жизнь шла своим чередом. Проехал грузовик, засигналил автомобиль, прошли две женщины под одним зонтом. Никто из них не знал, что здесь, над их головами, в пыльной квартире мертвого старика, история протянула свою костлявую руку и схватила настоящее за горло.

Мы нашли то, что искали. Мотив. Но вместо ясности я почувствовал, как на плечи легла тяжесть. Это дело перестало быть обычным убийством. Оно превратилось в прогулку по болоту, где каждый неверный шаг мог стать последним. Мы влезли в осиное гнездо, и теперь каждое наше действие будет вызывать ответную реакцию.

– Что будем делать, патрон? – голос Люка вывел меня из задумчивости. В нем звучала тревога, но и решимость.

Я обернулся и посмотрел на него. На его молодое, честное лицо. И впервые за долгое время я почувствовал не только усталость, но и страх. Не за себя. За него. Он верил в закон, в справедливость, в то, что правда всегда побеждает. А я знал, что правда – это всего лишь еще одно оружие в руках сильных. И оно часто стреляет в тех, кто пытается его поднять.

– Тихо, – сказал я. – Мы будем действовать очень тихо. Для начала, эта папка официально не существует. Мы ее не находили. Мы заберем ее с собой, и никто не должен об этом знать. А потом... потом мы начнем дергать за ниточки. По одной. И посмотрим, кто закричит первым.

Я закрыл папку. Пыль, поднятая нашими действиями, медленно оседала в лучах тусклого дневного света. Призраки Революции, потревоженные нами, не собирались возвращаться в свои могилы. Они были здесь, в этой комнате, они смотрели на нас из пожелтевших страниц, и их безмолвный шепот обещал, что кровь, пролитая однажды, никогда до конца не высыхает. Она просто ждет своего часа, чтобы проступить вновь.

Голоса левых бульваров

Телефонный звонок вырвал меня из дремоты, в которую я провалился прямо в кресле у себя в кабинете, на набережной Орфевр. За окном серый рассвет едва просачивался сквозь ночную мглу, смешиваясь с желтым светом настольной лампы. Воздух в префектуре в этот час был особенным – спертый, тяжелый, пропитанный запахом остывшего кофе, дешевого табака и тем едва уловимым ароматом человеческого отчаяния, который въедается в сами стены этого здания. Папка Дюруа, завернутая в старую газету, лежала в нижнем ящике моего стола, под стопкой нераскрытых дел. Она ощущалась не как бумага, а как кусок свинца, тянущий вниз не только ящик, но и все мое нутро.

Я поднял трубку. Голос дежурного был бесцветным, как у автомата.

– Инспектор Лекор? Звонок для вас. От комиссара Бодри. Соединяю.

Щелчок, затем в ухо полился знакомый, раздраженный тон моего начальника.

– Лекор. Надеюсь, я не оторвал тебя от разгадывания кроссвордов. У меня для тебя новости.

– Доброе утро, комиссар, – прохрипел я, потирая глаза. Сон не принес отдыха. Он принес лишь обрывки Вердена, перемешанные с образами гильотин и пожелтевших страниц. – Чем обязан?

– По делу антиквара. Поступил анонимный звонок. Полчаса назад. Мужской голос, говорил быстро, явно боялся. Утверждает, что знает, кто убрал Дюруа.

Я выпрямился. Сердце, до этого лениво толкавшее кровь по венам, сделало один резкий, тяжелый удар.

– И кто же, по его словам, этот счастливчик?

– Не кто, а кто. Группа. Ячейка коммунистов из Бельвиля. Какие-то «Истинные сыны Революции». По словам нашего доброжелателя, Дюруа собирал на них компромат. Якобы они получают деньги из Москвы через подставные фирмы, а сам он, Дюруа, был ярым патриотом и собирался передать документы в газету «L'Action Française».

Я молчал. Все это звучало слишком гладко. Слишком правильно. Как сценарий для второсортной пьесы, которую разыгрывают на бульварах. Патриот-антиквар против красных шпионов. Публика такое любит. И начальство тоже.

– Он назвал имена? – спросил я.

– Два. Некий Жак Комб, профсоюзный деятель с литейного завода. И студент-агитатор по имени Марсель Флобер. Какая ирония. Адреса тоже продиктовал. Я хочу, чтобы ты и Марсель немедленно этим занялись. Возьмите машину. Проведите допросы. Жестко, но без членовредительства. Эти красные – народ скользкий. Если это они, дело можно закрывать к вечеру.

– А если нет?

В трубке повисла короткая пауза. Я почти физически ощутил, как Бодри на том конце провода массирует свои виски.

– Лекор, не начинай. У меня и без твоей философии голова трещит от визита префекта. Есть наводка – отрабатывай. Это приказ. И докладывай мне о каждом шаге. Конец связи.

Он бросил трубку. Я еще несколько секунд держал ее у уха, слушая короткие гудки. Они звучали как насмешка.

Когда через десять минут в кабинет вошел Люк, я уже стоял у окна, глядя на Сену. Ее свинцовые воды несли к морю мусор и отражение низкого неба. Люк был свеж, выбрит и полон энергии. Он нес в себе утренний свет, который казался в этих стенах чужеродным.

– Патрон, я слышал, у нас есть след! – его глаза горели. Вчерашнее открытие не испугало его, а лишь раззадорило. Он был похож на гончую, почуявшую кровь.

Я обернулся.

– У нас есть кость, которую нам бросили, Люк. А вот есть ли на ней мясо, или это просто способ отвлечь нас от настоящего зверя – это мы сейчас и выясним.

Я передал ему суть разговора с Бодри. Пока я говорил, его энтузиазм постепенно угасал, сменяясь недоумением.

– Коммунисты? – он нахмурился. – Но зачем им гравюра? И при чем здесь дневник Бланше? Это не вяжется.

– Вот именно, – кивнул я. – Не вяжется. Это так же нелепо, как если бы архиепископ Парижский ограбил банк с криком «Да здравствует анархия!». Но приказ есть приказ. Мы едем в Бельвиль. Поговорим с этими «истинными сынами». Может, они и вправду решили, что Революция еще не закончилась.

Я достал из ящика стола свой пистолет, проверил обойму и сунул его в кобуру под мышкой. На папку, лежащую на дне, я старался не смотреть. Но она жгла меня даже сквозь дерево и сталь.

Бельвиль встретил нас запахом угольного дыма и вареной капусты. Здесь Париж сбрасывал свою парадную маску. Узкие улицы цеплялись за крутые склоны холма, словно морщины на лице старика. Стены домов, облупившиеся и покрытые пятнами сырости, были испещрены политическими лозунгами. «Смерть фашизму!», «Хлеба и работы!», «Сталин – надежда мира!». Поверх этих надписей кто-то другой, с такой же яростью, нацарапал свастики и призывы «Франция для французов!». Это был город в городе, живущий по своим законам, говорящий на смеси французского, идиша, польского и итальянского. Здесь не любили ни богатых, ни полицию. И то, и другое было для них синонимом враждебной силы.

Первый адрес привел нас к серому многоквартирному дому, похожему на улей. Дверь в квартиру Жака Комба была обита рваной клеенкой. Нам открыл мужчина лет пятидесяти, широкоплечий, с лицом, будто высеченным из куска гранита. Его руки, лежавшие на косяке, были руками рабочего – большие, мозолистые, с вьёвшейся в кожу металлической пылью. Он не удивился нашему появлению. Лишь смерил нас тяжелым, недобрый взглядом из-под густых бровей.

– Полиция, – представился я, показывая удостоверение. – Месье Жак Комб?

– Я. Что вам надо от пролетариата в такую рань? Капиталисты еще спят в своих шелковых постелях.

– Нам нужно задать вам несколько вопросов. По поводу убийства.

Он усмехнулся, но в его глазах не было веселья.

– Убийства? Вы ошиблись адресом, граждане. Мы боремся с системой, а не с отдельными ее представителями. Убивать их поодиночке – бессмысленная трата сил.

– Тем не менее, мы бы хотели поговорить внутри.

Он помедлил, затем нехотя отступил, пропуская нас в крохотную комнату, служившую одновременно кухней, столовой и гостиной. Обстановка была бедной, но чистой. На столе лежали стопки профсоюзных газет и брошюр. Из соседней комнаты доносился кашель – сухой, надсадный, легочный.

– Жена, – коротко пояснил Комб, поймав мой взгляд. – Подарок от хозяев завода. Пыль в цеху бесплатная.

Мы сели за стол. Люк достал блокнот, готовый записывать. Я же просто смотрел на Комба.

– Вы знали человека по имени Аристид Дюруа? Антиквар с улицы Риволи.

Комб нахмурился, задумался.

– Дюруа... Что-то знакомое. А, этот. Мелкий лавочник с фашистскими замашками. Пару раз выступал на собраниях правых лиг. Кричал о еврейско-большевистском заговоре. Ничего интересного. Обычный буржуазный попугай.

– Его убили два дня назад. В его лавке.

– Сочувствую, – без тени сочувствия произнес Комб, скрестив на груди свои могучие руки. – Наверное, не поделил с кем-то краденое. Они все там торгуют барахлом, вывезенным из русских дворцов.

– Есть сведения, что ваша организация, «Истинные сыны Революции», угрожала ему, – вмешался Люк. Его голос звучал слишком громко в этой маленькой комнате. – Говорят, он собирал на вас материалы.

Комб перевел взгляд на Люка. Это был взгляд опытного волка на неоперившегося щенка.

– Молодой человек, если бы мы собирались заткнуть рот каждому идиоту, который кричит о красной угрозе, у нас бы не осталось времени на классовую борьбу. Наша сила – в правде, а не в ночных убийствах. Это ваши методы. Методы капитала.

– Где вы были вечером во вторник? – напор Люка не ослабевал.

– Где и всегда. На собрании профсоюза. До десяти вечера. Со мной было тридцать человек. Можете спросить у любого. Мы обсуждали грядущую забастовку.

Он говорил спокойно, уверенно. В его словах не было ни одной трещины, ни одной фальшивой ноты. Он был идеологическим солдатом, и его алиби было таким же железным, как его убеждения. Я это чувствовал. Этот человек мог бросить булыжник в полицейского, мог повести толпу на штурм префектуры. Но он не стал бы красться в антикварную лавку, чтобы проломить голову старику статуэткой. В этом не было ни масштаба, ни идеи.

Я поднялся.

– Спасибо за ваше время, месье Комб. Мы, возможно, еще вернемся.

– Всегда к вашим услугам, граждане полицейские, – ответил он с тем же ледяным сарказмом. – Когда решите арестовать тех, кто по-настоящему грабит и убивает эту страну – банкиров и фабрикантов, – зовите. Я помогу.

Когда мы вышли на лестничную клетку, Люк разочарованно выдохнул.

– Врет. Я уверен.

– Он не врет, – возразил я, спускаясь по стертým ступеням. – Он говорит то, во что верит. И это разные вещи. Но он не убийца. Он слишком прямолинеен для такой игры. Этот человек будет бить в лоб, а не в спину. Поехали ко второму. К поэту.

Марсель Флобер жил не в Бельвиле, а ближе к Латинскому кварталу, в мансарде под самой крышей старого дома на улице Муфтар. Если квартира Комба была штабом солдата, то комната студента напоминала гнездо безумной птицы. Стены были сплошь заклеены вырезками из газет, портретами Маркса, Ленина и испанских республиканцев. На полу валялись стопки книг, раскрытых и перевернутых. В углу на ящике стояла пишущая машинка, в которую был заправлен лист со стихами. Воздух пах остывшим чаем и типографской краской.

Сам Флобер был полной противоположностью Комба. Худощавый, нервный юноша с горящими глазами и копной черных волос, которые он постоянно отбрасывал со лба. Он встретил нас с вызывающей усмешкой, словно ждал этого визита и репетировал свою роль.

– А, ищейки режима! – воскликнул он, театрально раскинув руки. – Пришли арестовать свободную мысль? Спешу вас разочаровать, ее нельзя заковать в кандалы!

– Нам не нужна ваша мысль, месье Флобер, – спокойно сказал я, оглядывая его убежище. – Нам нужно ваше алиби на вечер вторника.

– Вторник? – он сделал вид, что задумался. – О, это был великий вечер! Я был на поэтическом диспуте. Мы читали стихи в поддержку испанских товарищей. А потом до утра спо-

рили о роли пролетарского искусства в грядущей мировой революции. Нас было человек пятнадцать. Все готовы подтвердить.

Он говорил с упоением, явно наслаждаясь каждым словом.

– Вы знали Аристиды Дюруа? – спросил Люк, сверяясь с блокнотом.

– Дюруа! Конечно! Эта ископаемая рептилия! Этот лакей капитала, торговавший обломками феодализма! Я даже написал на него эпитафию. Хотите послушать? «Антиквар, в твоей душе темно, как в склепе...»

– Мы слышали, вы считали его врагом, – прервал его я.

– Он не враг. Он – симптом! – Флобер ткнул в меня пальцем. – Симптом загнивающего общества, которое цепляется за прошлое, потому что боится будущего! Такие, как он, готовят почву для фашизма! Их нужно разоблачать! Уничтожать морально!

– А физически? – тихо спросил я.

Он на мгновение сбился. В его горящих глазах мелькнуло что-то похожее на испуг, но он тут же скрыл это за новой волной патетики.

– Революционное насилие – это повивальная бабка истории! Но оно должно быть массовым, осознанным актом, а не вульгарным убийством в темном переулке! Это анархизм, а не марксизм!

Я подошел к его столу и взял лист из пишущей машинки. Стихи были яростными, полными огня и призывов к борьбе. Но строчки были ровными, почти каллиграфическими. Его руки были руками писца, а не убийцы. На пальцах не было сбитых костяшек, лишь чернильные пятна.

– Вы много говорите о насилии, месье Флобер, – сказал я, кладя лист на место. – Но, похоже, ваше главное оружие – это пишущая машинка.

Он вспыхнул.

– Слово тоже может убивать!

– Может, – согласился я. – Но оно не проламывает черепа.

Мы ушли, оставив его декламировать что-то гневное нам в спину.

Дождь снова начал накрапывать, когда мы сели в машину. Люк с силой захлопнул дверцу и ударил ладонью по приборной панели.

– Пустышка! Все это – пустышка! Целый день потрачен впустую! Алиби у обоих железное. Свидетелей – вагон. Они просто посмеялись над нами!

– Они не смеялись, Люк. Они играли свои роли. Солдат революции и поэт революции. Они оба искренни в своей ненависти к таким, как Дюруа. И именно поэтому они идеальные кандидаты на роль убийц.

Он повернулся ко мне.

– Что вы имеете в виду?

– Представь себе, что ты – наш убийца. Ты умен, расчетлив, у тебя есть власть и связи. Ты убил Дюруа и забрал то, что тебе было нужно. Но ты знаешь, что полиция начнет копать. Ты оставляешь после себя труп и одну пропавшую вещь – гравюру. Это похоже на ограбление, но не совсем. Ты понимаешь, что такой инспектор, как я, начнет искать скрытые мотивы. И ты знаешь, что рано или поздно мы выйдем на историю с дневником. Это опасно. Тебе нужно выиграть время. Тебе нужно пустить нас по ложному следу. Что ты делаешь?

Люк молчал, его лоб прорезала глубокая складка. Он думал.

– Я... я бы подкинул им другую, более простую и правдоподобную версию.

– Bravo, – кивнул я. – Ты находишь идеальную мишень. Коммунисты. Вся страна их боится. Газеты каждый день пишут о красной угрозе. И у них есть мотив! Дюруа – правый активист, он их ненавидел, они его. Ты делаешь анонимный звонок. Ты не просто говоришь: «Ищите красных». Нет, это слишком грубо. Ты даешь конкретные имена. Людей, кото-

рые известны своей радикальной риторикой. У которых наверняка есть алиби, но чтобы его проверить, потребуется время. Ты подбрасываешь нам готовый сценарий, который выглядит настолько правдоподобно, что даже комиссар Бодри готов в него поверить.

Я достал пачку сигарет, закурил. Дым заполнил тесное пространство машины.

– Это был не просто ложный след, Люк. Это была мастерски поставленная сцена. Нам показали двух актеров, которые идеально подходили на роль злодеев. И пока мы аплодировали их игре и проверяли билеты у всего зрительного зала, настоящий убийца сидел в своей ложе, убирал следы и, возможно, планировал следующий акт.

Люк откинулся на сиденье, глядя на струйки дождя, ползущие по лобовому стеклу. Его плечи поникли.

– Значит... тот, кто это сделал, знает, что мы нашли папку Дюруа?

– Нет. Думаю, пока нет. Он действует превентивно. Он предполагает, что мы можем выйти на исторический след, и заранее строит обходной путь. Он недооценивает нас. Он думает, что мы – обычные полицейские, которые с радостью ухватятся за простую версию и закроют дело. Он не знает, что мы заглянули за кулисы. Но теперь он будет следить за каждым нашим шагом. Он поймет, что мы не клюнули на его наживку. И это сделает его опаснее.

День, начавшийся с призрачной надежды, заканчивался глухим тупиком. Мы не продвинулись в расследовании ни на сантиметр. Хуже того – мы потеряли драгоценное время, дав нашему противнику понять, что мы не так глупы, как он рассчитывал. Игра становилась сложнее. И ставки в ней с каждой минутой росли.

Я затушил сигарету в пепельнице.

– Поехали обратно в префектуру. Нам нужно доложить комиссару, что голоса с левых бульваров поют не ту песню. Ему это не понравится. А потом мы вернемся к единственному, что у нас есть. К списку потомков. К тем, кто молчит. Потому что именно в их молчании и кроется правда.

Люк молча завел мотор. «Ситроен» тронулся, его фары выхватили из морозящей мглы мокрую брусчатку. Мы ехали из мира яростных слов и громких лозунгов обратно в мир теней и полунамеков. И я чувствовал, что именно там, в этой серой, вязкой тишине, нас ждет настоящая опасность.

Человек без имени

Ложный след остывал медленно, как труп в холодной комнате, оставляя после себя затхлый запах потраченного впустую времени. Два дня мы гонялись за призраками в рабочих кварталах Бельвиля, трясли профсоюзных агитаторов и вглядывались в лица людей, чья единственная вина заключалась в том, что они слишком громко проклинали правительство. Коммунисты. Удобная мишень, красная тряпка, которой так легко отвлечь быка от настоящего матадора. Бодри был доволен. Газеты получили свою порцию сенсаций. А я чувствовал, как песок утекает сквозь пальцы. Убийца выиграл у нас сорок восемь часов. В нашем деле это была вечность.

Я сидел в кабинете, глядя на папку Дюруа, которую мы с Люком вынесли из его квартиры. Она лежала в нижнем ящике моего стола, холодная и тяжелая, как надгробная плита. Все эти схемы, имена, даты. Это было не расследование. Это был сеанс спиритизма, попытка заставить мертвецов говорить. И пока они молчали. «Лотарингская тень». Имя без лица, судьба без документов. Просто прозвище, придуманное антикваром-маньяком. Или нет?

Я встал и подошел к окну. Париж задыхался в объятиях влажной осени. Небо было цвета мокрого асфальта, и редкие прохожие внизу казались темными, спешащими насекомыми. Я принял решение. Хватит гоняться за живыми тенями. Пора было спуститься в подвал, туда, где хранятся тени настоящие, те, что не боятся солнечного света, потому что сами сотканы из забвения. Пора было навестить профессора Морана.

Национальный архив располагался в сердце квартала Маре, в комплексе старинных особняков, главным из которых был отель Субиз. Я оставил машину на соседней улице и пошел пешком. Здесь воздух был другим. Он был плотным, насыщенным историей. Кривые улочки, нависающие друг над другом дома, тишина, которую не мог разорвать даже клаксон автомобиля. Казалось, время здесь текло медленнее, сворачивалось в тугие кольца, как старый пергамент. Я вошел в парадный двор. Величие этого места всегда давило на меня. Оно было построено для принцев и кардиналов, а теперь служило последним пристанищем для миллионов исписанных листов бумаги. Кладбище слов, обещаний и приговоров.

Профессор Ален Моран обитал в самом сердце этого некрополя. Его кабинет, больше похожий на келью отшельника, находился в лабиринте узких коридоров, куда не проникал дневной свет. Я нашел его там, где и всегда, – за огромным дубовым столом, склонившимся над старинной книгой в кожаном переплете. Он был худ, сух, и казалось, состоял из того же материала, что и окружавшие его фолианты: пергаментной кожи, пыли и чернил. Когда я вошел, он поднял голову, и толстые линзы очков многократно увеличили его блеклые, водянистые глаза.

– Инспектор. Неожиданно. Я полагал, полиция ныне занята более современными призраками, нежели моими. Коммунизм, как я читал в «Le Matin», стучится в наши двери.

Его голос был таким же сухим, как шелест переворачиваемых страниц.

– Призраки имеют свойство не стареть, профессор. Иногда они просто меняют имена, – сказал я, присаживаясь на единственный свободный стул, заваленный папками. – Мне нужна ваша помощь.

– Моя помощь – это мой долг, – он аккуратно закрыл книгу, положив в нее тонкую закладку из слоновой кости. – Хотя обычно вы приходите ко мне с именами, а не с загадками. Что на этот раз? Поддельный автограф Наполеона? Пропавшее завещание какого-нибудь маркиза?

– Убийство.

Он снял очки и протер их белоснежным платком. Без них его лицо стало беззащитным и морщинистым, как у новорожденного птенца.

– Это меняет тон нашей беседы. Слушаю вас, инспектор.

Я не стал выкладывать перед ним все карты. Не упомянул ни папку Дюруа, ни гравюру, ни шантаж. Я знал Морана. Он был жрецом фактов, хранителем документальной истины. Любая гипотеза, не подкреплённая архивной ссылкой, была для него ересью.

– Я расследую убийство антиквара. В его бумагах я нашел упоминание об одном деле времен Террора. Очень странном деле. Речь идет о некоем аристократе из Лотарингии. Он был казнен в Париже летом 1793 года. Обвинение – стандартное: измена, заговор против Республики. Но вот что странно: нигде не фигурирует его имя. В записях антиквара он проходит под прозвищем. «Лотарингская тень».

Моран снова надел очки и посмотрел на меня. Его взгляд стал острым, как перо для каллиграфии.

– «Лотарингская тень»... Звучит как заглавие бульварного романа. Вы уверены, что ваш антиквар не был беллетристом?

– Он был убит. Это не беллетристика. Я хочу знать, существовал ли такой человек. Возможно ли, чтобы из протоколов суда, из списков осужденных, из всех официальных бумаг исчезло имя? Не просто затерялось, а было стерто. Целенаправленно.

Профессор задумался. Он постучал тонкими, испачканными чернилами пальцами по переплету книги. Тишина в его кабинете была такой плотной, что казалось, ее можно потрогать.

– *Damnatio memoriae*, – произнес он наконец. – «Проклятие памяти». Древнеримская практика. Когда сенат объявлял императора или государственного преступника врагом государства, его имя уничтожалось. Сбивалось со статуй, стиралось из надписей, вымарывалось из хроник. Человека пытались вычеркнуть из истории, превратить в пустое место. Революция, инспектор, во многом копировала Рим. И в своих добродетелях, и в своих пороках.

– Значит, это возможно?

– Теоретически – да. Практически – невероятно сложно. Революционное делопроизводство было хаотичным, но тотальным. Протоколы заседаний, ордера на арест, тюремные книги, донесения палача Сансона... Чтобы уничтожить все упоминания, требовалась не просто власть. Требовалась воля нескольких людей, находящихся на самых разных уровнях бюрократической машины. И главное – у них должна была быть причина. Очень веская причина. Ненависть – недостаточное основание для такого труда. Нужен был страх. Страх, что имя этого человека, даже после его смерти, представляет угрозу.

Он встал. Его движения были точными и экономными, как у человека, привыкшего работать в тесноте.

– Хорошо, инспектор. Вы меня заинтриговали. Посмотрим, сможем ли мы найти призрак вашего человека без имени. С чего начнем? Дата. У вас есть точная дата казни?

– Девятое термидора, 1793 год, – сказал я.

Моран замер на полпути к стеллажу. Он медленно обернулся.

– Вы уверены? Девятое термидора 1793-го?

– Абсолютно.

– Этого не может быть.

– Почему?

– Потому что в 1793 году месяца термидор еще не существовало. Республиканский календарь был введен декретом Конвента лишь в октябре. Летом все еще был старый, григорианский стиль. Девятое термидора соответствует двадцать седьмому июля. Но в 1793 году это

был просто двадцать седьмой день месяца июля. А вот Девятое термидора II года Республики – двадцать седьмое июля 1794-го – это день падения Робеспьера. Дата, известная каждому школьнику. Ваш антиквар либо ошибся на год, либо...

– Либо эта ошибка и есть ключ, – закончил я за него.

Мысль обожгла меня своей простотой. Дюруа был дотошным исследователем. Он не мог допустить такую глупую ошибку. Значит, дата была не случайной. Она была символом. Казнь, произошедшая ровно за год до великого переворота, до дня, когда гильотина обернулась против своих хозяев.

– Хорошо, – сказал Моран, и в его голосе послышалось то, что я мог бы назвать азартом ученого. – Будем искать. Двадцать седьмое июля 1793 года. Протоколы Революционного трибунала. Давайте спустимся в хранилище.

Хранилище было другим миром. Мы спустились по винтовой чугунной лестнице в подвальное помещение, где воздух был холодным и неподвижным. Пахло подземельем, сыростью и тленом веков. Длинные ряды металлических стеллажей уходили во тьму, теряясь за пределами света единственной тусклой лампы. На полках стояли сотни, тысячи картонных коробок и перевязанных бечевкой папок. Это был морг истории. Каждый документ – останки чьей-то жизни, чьей-то надежды, чьего-то страха.

Моран двигался в этом лабиринте уверенно, как у себя дома. Он вел меня вдоль стеллажей, бормоча под нос архивные шифры.

– Секция F7... Судебные архивы... Трибунал... Вот. Июль 1793-го.

Он снял с полки толстую, тяжелую папку, от которой во все стороны полетела пыль. Мы прошли к небольшому столу под лампой. Моран с почти благоговейной осторожностью развязал тесемки и открыл папку.

Листы были из грубой сероватой бумаги, исписанные выпцветшими коричневыми чернилами. Каллиграфический почерк судебного клерка был почти неразличим.

– Протоколы заседаний за двадцать седьмое июля, – прошептал профессор. – День был напряженный. Судили генерала Кюстина за измену. Его дело заняло почти все время. Но были и другие.

Он медленно, страница за страницей, перебирал документы. Его палец скользил по строчкам. Имена, имена, имена... Мелкие лавочки, обвиненные в спекуляции. Священник, отказавшийся присягнуть Республике. Бывшая маркиза, у которой нашли письма от родственников-эмигрантов. Список осужденных к высшей мере. Четыре человека. Три мужчины и одна женщина. Имена, возраст, род занятий, краткое изложение вины. Все на месте. Никаких анонимов. Никаких лотарингцев.

– Ничего, – сказал я, чувствуя, как разочарование ледяной рукой сжимает нутро.

– Не торопитесь, инспектор, – Моран не поднимал головы. – Официальный протокол – это фасад. Аккуратно прибранная комната для гостей. Нужно искать на заднем дворе. В мусоре.

Он отложил папку с протоколами и взял другую, потоньше.

– Это подготовительные материалы. Черновики обвинительных актов, записки прокурора Фукье-Тенвиля, списки дел, назначенных к слушанию. Здесь беспорядок. Здесь могли остаться следы.

Он начал перебирать эти разрозненные листки с той же методичной тщательностью. Минуты тянулись, превращаясь в вечность. Тишину нарушал только шелест бумаги. Я смотрел на эти каракули, на кляксы, оставленные полтора века назад, и пытался представить себе людей, которые их писали. Они вершили судьбы, отправляли на смерть, перекраивали мир, а от них остались лишь эти хрупкие, пожелтевшие клочки.

И вдруг Моран замер. Его палец остановился на середине одного из листов.

– А вот это... любопытно.

Я наклонился над его плечом. Это был предварительный список дел, набросанный скорой, небрежной рукой. Перечень имен, напротив каждого – краткая пометка. И пятое имя в этом списке... было зачеркнуто. Густо, яростно, так, что чернила пропитали бумагу насквозь. Прочитать то, что было написано под ними, было невозможно. А рядом, на полях, той же рукой было нацарапано одно слово: «Annulé». Аннулировано. А чуть ниже, другим почерком, более аккуратным, было добавлено два слова. Два презрительных слова. «L'ombre Lorraine».

Лотарингская тень.

У меня перехватило дыхание. Это было оно. Доказательство. Не просто выдумка Дюруа. Это было настоящее, живое прозвище, данное ему тогда, в те дни. Прозвище, которым заменили его имя.

– Он существовал, – прошептал я.

– Да, – кивнул Моран, его глаза за толстыми стеклами линз горели. – Он был в списке. Его дело должны были слушать в тот день. Но в последний момент его вычеркнули. Приказ пришел сверху. И кто-то, скорее всего, сам клерк, сделал эту приписку на полях. Для себя. Чтобы помнить. Или из ненависти.

– Но его все равно казнили.

– Очевидно. Но не по решению суда. Не публично. Его просто убрали. Тихо, без протокола. Поэтому его имени и нет в официальных списках Сансона. Его провели как «аннулированное» дело. Для бумаг он просто исчез. Но кто-то позаботился, чтобы даже эта последняя запись была вымарана. Смотрите.

Он указал на зачеркнутое имя.

– Это не просто перечеркнуто. Сюда как будто что-то капнули. Какую-то кислоту. Чтобы уничтожить наверняка. Но бумага сохранила память.

Он достал из кармана жилета лупу и поднес ее к листку.

– Следы букв... Можно попытаться разобрать в лаборатории. Но это займет время.

– Мне не нужно имя, – сказал я, глядя на два слова на полях. – Мне нужно понять, почему. Почему его так боялись, что решили стереть даже память о нем? Что он мог знать?

Профессор отложил лупу и посмотрел на меня.

– В 1793 году, инспектор, люди умирали за неосторожное слово. Но чтобы заслужить «проклятие памяти», нужно было нечто большее. Нужно было быть носителем знания, которое могло разрушить самих обвинителей. Он был не просто врагом. Он был угрозой. Его обвинение, скорее всего, было сфабриковано, чтобы заткнуть ему рот. Но даже казни было недостаточно. Нужно было сделать так, чтобы никто и никогда не смог бы даже спросить, за что именно его осудили. Нужно было уничтожить сам вопрос.

Мы стояли в холодной тишине подвала, склонившись над этим ветхим листком бумаги. И я вдруг понял все. Гипотеза, смутно оформившаяся в моей голове, обрела плоть и кровь. Гравюра. Старинная гравюра XVIII века с изображением казни. Дюруа искал ее не случайно. Он знал или предполагал, что это единственное сохранившееся изображение казни того, чье имя было стерто. Человека без имени. Лотарингской тени.

И страница из дневника члена Комитета спасения, Огюстена Бланше... Она была спрятана не просто так. Она была доказательством. Доказательством невиновности казненного и вины его палачей. Она была тем самым знанием, которое так тщательно пытались похоронить. История этого безымянного аристократа была ключом ко всему. К убийству Дюруа, к богатству и власти потомков тех революционеров, к тайне, которую они хранили полтора века.

Дюруа нашел этот ключ. Он вставил его в замок. И в этот момент его убили.

– Профессор, – сказал я, и мой голос в гулкой тишине прозвучал хрипло. – Мне нужно знать все о делах, которые вел Революционный трибунал в тот период. Особенно те, что касались секвестра имущества. Финансовые отчеты Комитета. Списки конфискованной собственности. Все, что связано с деньгами.

Моран посмотрел на меня с удивлением.

– Вы думаете, дело в деньгах? Не в политике?

– Политика, профессор, – это лишь ширма, за которой всегда прячутся деньги. Самые кровавые преступления в истории совершались не во имя идей, а во имя золота. Просто золото всегда умело рядиться в красивые одежды.

Он кивнул, словно мои слова подтвердили его собственные, давно выстраданные мысли.

– Это будет долгая работа, инспектор. Это тонны бумаг.

– У меня есть время, – ответил я.

Хотя я знал, что это ложь. Времени у меня не было совсем. Убийца, который так легко пустил нас по ложному следу, не будет сидеть сложа руки. Он тоже ищет. Он ищет то, что не нашел у Дюруа. Возможно, он ищет остальные страницы проклятого дневника. И он не остановится ни перед чем.

Мы поднялись наверх. Свет дня, даже такой тусклый и серый, ударил по глазам после полумрака хранилища. Я попрощался с Мораном, пообещав вернуться завтра.

Выйдя на улицу, я закурил. Сигаретный дым смешивался с влажным воздухом. Я смотрел на старинные особняки Маре, на их каменные, безразличные лица. Они видели все. Они помнили все. Париж – это город, построенный на костях. И иногда эти кости начинают говорить.

У меня появилась зацепка. Тонкая, хрупкая нить, ведущая в самое сердце кровавого лабиринта. Человек без имени. Лотарингская тень. Теперь у него было почти реальное очертание. Он перестал быть просто записью в тетради антиквара. Он стал жертвой, за которую я должен был отомстить. Не ради закона. Ради чего-то большего. Ради той самой исторической правды, которую профессор Моран так бережно хранил в своих подвалах. Правды, которая стоила жизни Аристиду Дюруа. И которая, я это чувствовал каждой клеткой, могла стоять жизни и мне.

Ночные визитеры

Улица встретила меня равнодушным холодом. Дождь перестал, но воздух был тяжел от влаги, словно город никак не мог сделать выдох. Мостовая блестела, как спина дохлой рыбы, отражая размытые огни фонарей и неоновые всполохи вывесок. Я шел, втянув голову в плечи, и воротник плаща казался единственной защитой от этого мира, промокшего насквозь не столько водой, сколько усталостью. В голове все еще звучал сухой, как шелест пергамента, голос профессора Морана, и перед глазами стояли два слова, нацарапанные на полях старой бумаги: «L'ombre Lorraine». Тень. Она обрела контуры, стала почти осязаемой. И от этого ее холод пробирал до самых костей.

Мой дом на улице Константен-Бернар был таким же серым и уставшим, как и все остальные здания в этом квартале. Каменный утес, испещренный темными окнами-бойницами, за которыми прятались чужие жизни. Я поднялся по скрипучим ступеням на свой четвертый этаж, ощущая, как свинцом наливаются ноги. Ключ в замке повернулся привычно, со знакомым щелчком. Но когда я толкнул дверь, что-то было не так. Неосязаемое, почти неуловимое изменение в воздухе квартиры. Как будто тишина в ней стала другой, напряженной, наполненной чужим присутствием, которое успело выветриться, но оставило после себя фантомный след.

Я замер на пороге, одна рука на дверной ручке, другая инстинктивно легла на рукоять пистолета под плащом. В ноздри ударил слабый, почти исчезнувший запах. Запах дорогих сигарет с ментолом. Я такие не курил. Я курил горький, дешевый «Gauloises», от которого в комнате всегда стоял сизый туман. Этот же запах был тонким, аристократическим и абсолютно чужим.

Не включая свет, я шагнул внутрь, прикрыв за собой дверь. Лунный свет, бледный и немощный, едва пробивался сквозь занавески, рисуя на полу призрачные прямоугольники. Я двинулся вглубь квартиры, ступая бесшумно, как учился в окопах под Верденом, когда каждый треск ветки мог стать последним звуком, который ты услышишь. Гостиная. Кресло у окна, столик с недопитой рюмкой кальвадоса, книжный шкаф. Все на своих местах. На стене, в рамке, висела единственная фотография – Мари с маленькой Анной на руках. Они улыбались мне из того мира, куда не было возврата. Фотография висела ровно. Они ее не тронули. Облегчение было коротким и острым, как укол иглы.

Моя спальня. Кровать небрежно застелена, как я ее и оставил утром. Шкаф закрыт. Ничего не нарушено. Я прошел в крохотный кабинет – комнату, где я работал, думал и пытался забыть. И вот здесь я увидел все.

Свет уличного фонаря падал прямо на мой письменный стол. И стол был эпицентром тихого, методичного урагана. Это не был обыск в том виде, в каком его устраивали мои коллеги, когда искали краденое у мелких воришек. Не было вывернутых ящиков, разбросанных по полу вещей. Нет. Это было нечто иное. Это была демонстрация.

Стопки бумаг, которые я всегда раскладывал в строгом порядке, были перебраны. Не разбросаны, а именно переложены, словно кто-то аккуратно пролистал каждую, а затем сложил обратно, но уже без всякой системы. Мои личные счета, старые письма, служебные записки по другим делам – все было перевернуто. Но я сразу увидел, на чем было сосредоточено их внимание. Папка с моими заметками по делу Дюруа, которую я по глупости принес домой, чтобы

поработать в тишине, лежала в самом центре стола, раскрытая. Листы с моими гипотезами, с выписками из архива, с именами потомков – все они были там, но их порядок был нарушен. Кто-то внимательно, очень внимательно их изучал.

Я включил настольную лампу. Ее желтый свет вырвал из полумрака детали. На полу, у ножки стола, валялся мой блокнот. Тот самый, в который я записывал мысли после разговора с Мораном. В котором я обвел в кружок прозвище «Лотарингская тень». Он был раскрыт на этой самой странице. Это было послание. Прямое, наглое, без всяких иносказаний. «Мы знаем, что ты знаешь. Мы здесь были. Мы читаем твои мысли».

Холод, который до этого лишь слегка касался кожи, теперь впился в меня ледяными когтями. Я медленно обошел стол. Они не взяли ничего. В верхнем ящике лежали несколько сотен франков – моя заначка. Они были на месте. На полке стояли серебряные часы моего отца – они их не тронули. Им не нужны были мои деньги или мои вещи. Им нужна была информация. Они хотели знать, как далеко я зашел. И они хотели, чтобы я знал, что они знают.

Это была игра совершенно иного уровня. Это не были коммунисты-идеалисты из Бельвилья или уличные бандиты. Те действовали бы грубо: взломали бы дверь, перевернули бы все вверх дном, возможно, оставили бы мне на столе нож в качестве предупреждения. Эти же пришли и ушли, как призраки. Они вскрыли мой замок так чисто, что я не заметил бы и следа, если бы не запах чужого табака и эта жуткая, педантичная аккуратность беспорядка. Они были профессионалами. И они не боялись. Страх они хотели внушить мне.

Я сел в кресло. Руки слегка дрожали – старый верденский сувенир, который всегда напоминал о себе в минуты стресса. Я заставил себя взять сигарету. Закурил. Горький дым наполнил легкие, но не принес успокоения. Я смотрел на разворошенные бумаги и понимал: мой визит в Национальный архив не остался незамеченным. Кто-то следил за мной. Или за Мораном. Или у них были свои люди повсюду. В префектуре. В архиве. На улицах. Паутина. Я все это время думал, что распутываю ее, а на самом деле я был просто мухой, которая слишком громко зажуужжала и привлекла внимание паука.

Они действовали с пугающей быстротой. Всего несколько часов прошло с того момента, как я покинул хранилище Морана. За это время они успели выяснить, кто я, где я живу, и организовать этот визит. Это говорило о ресурсах. О власти. О том, что я наступил на хвост кому-то, кто не привык, чтобы ему наступали на хвост. Антуан де Валуа. Его холодные, оценивающие глаза снова встали у меня перед мысленным взором. Это был его стиль. Чистый, безжалостный, эффективный.

И тут меня пронзила новая мысль. Мысль, от которой во рту стало сухо и горько. Люк.

Люк Мартель. Молодой, азартный, полный жизни. Он с таким энтузиазмом взялся за это дело. Он верил в закон, в справедливость, в то, что мы делаем правое дело. Он был лучшим из нас. Тем, кем я, возможно, был когда-то, до того, как война выжгла во мне все иллюзии. Он был неосторожен в своем идеализме. Он мог проговориться. Мог задать не тот вопрос не тому человеку. Мог слишком близко подойти к огню, не чувствуя его жара.

Они были в моей квартире. Они знают, с кем я работаю. Они знают о Люке. И если они сочли нужным так демонстративно предупредить меня, опытного, циничного инспектора, то что они сделают с молодым, порывистым детективом, который сует свой нос куда не следует?

Они не станут его предупреждать. Они просто уберут его. Как убирают камешек с дороги, о который можно споткнуться.

Паника – холодная, липкая – подступила к горлу. Я вскочил, бросив сигарету в пепельницу. Я должен был его предупредить. Немедленно. Я бросился к телефону, стоявшему в коридоре. Мои пальцы с трудом попадали в отверстия диска, набирая его домашний номер. Длинные, мучительные гудки. Один. Второй. Третий. Я представил его небольшую, уютную квартиру, где пахнет свежей выпечкой и женскими духами. Его молодую жену Мари, которая всегда встречала его с улыбкой. Мир, который был так далек от моих прокуренных комнат и призраков прошлого. Мир, который был так хрупок.

– Алло? – сонный, немного встревоженный голос Люка.

– Люк, это я. Разбудил?

– Патрон? Что-то случилось? – он мгновенно проснулся. В его голосе зазвучала тревога.

– Слушай меня внимательно, – сказал я, понизив голос, хотя в квартире, кроме меня, никого не было. Но мне казалось, что сами стены слушают. – Ничего не спрашивай. Просто слушай. С этого момента ты прекращаешь любую самостоятельную работу по делу Дюруа. Ты понял?

– Но, патрон, я как раз собирался завтра проверить одну зацепку по финансовым архивам...

– Я сказал, прекращаешь! – мой голос сорвался на рык. Я сделал паузу, заставив себя успокоиться. – Люк. Ты больше не задаешь вопросов. Не встречаешься с информаторами. Не роешься в бумагах в одиночку. Все, что ты делаешь по этому делу, ты делаешь только со мной. Рядом со мной. Это ясно?

На том конце провода повисло молчание. Я слышал его сбитое дыхание. Он был озадачен. Возможно, обижен.

– Я не понимаю, что происходит. Мы же на верном пути...

– Мы на минном поле, Люк. А ты бежишь по нему, размахивая флажком. Сегодня ко мне приходили гости. Без приглашения. Они не взяли ничего, кроме моего спокойствия. Они перерыли все мои записи по делу. Это было предупреждение. Они знают, что мы копаем. И они не из тех, кто шлет предупреждения дважды.

– Кто? – прошептал он.

– Я не знаю. Но у них длинные руки и нет лица. И они не любят, когда к ним подбираются слишком близко. Ты – моя правая рука в этом деле. Это делает тебя мишенью. Возможно, даже более легкой, чем я.

Я слышал, как он сглотнул. Его юношеская бравада испарилась. Он был хорошим полицейским, и он понял, что я не преувеличиваю.

– Что... что мне делать?

– Делай то, что я сказал. Будь осторожен. Смотри по сторонам. Не доверяй никому, особенно тем, кто слишком дружелюбен. И если заметишь что-то странное, любую мелочь – тень, которая следует за тобой слишком долго, машину, которую ты видишь слишком часто, – немедленно звони мне. Не пытайся играть в героя. Герои долго не живут. Особенно в нашем городе.

– Хорошо, патрон. Я понял.

– Завтра в восемь утра у меня в кабинете. Ни минутой позже. И будь осторожен по дороге.

Я повесил трубку. Ладонь, державшая ее, была мокрой. Я прислонился лбом к холодной стене. Я сделал все, что мог. Я бросил ему спасательный круг. Но возьмется ли он за него? Или его азарт и вера в собственную неуязвимость окажутся сильнее?

Я вернулся в кабинет и сел за стол. Я не стал ничего убирать. Этот хаос был теперь частью дела. Уликой. Напоминанием. Я взял чистый лист бумаги и начал писать. Я систематизировал все, что мы знали. Каждую деталь, каждую догадку. От пропавшей гравюры до вымаранного имени в архиве. Я писал, пытаюсь найти логику в действиях врага. Они искали дневник. Или то, что от него осталось. Они думали, что он у Дюруа. Не нашли. Теперь они думают, что он может быть у меня. Или что я знаю, где он. Визит в мою квартиру был разведкой. Они прощупывали почву. И одновременно давали мне понять, что правила изменились. Это больше не было расследованием убийства. Это была война. Безмолвная, подпольная война, где линия фронта проходила через пыльные архивы, аристократические салоны и темные парижские переулки.

Я работал до самого рассвета. Серое, безрадостное утро заглянуло в мое окно, когда я закончил. Мои глаза горели от усталости и табачного дыма. Я подошел к окну и посмотрел вниз, на просыпающуюся улицу. Появились первые молочники, дворники с метлами, спешащие на работу клерки. Обычная жизнь. Люди, которые ничего не знали о тенях прошлого, готовых снова пролить кровь на их город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.